

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)532

### **Западные губернии Российской империи в Революции 1905–1907 гг.: элементы региональной самобытности и гражданской войны**

*Рокки Т.*

Справочная библиотека Торонто (Торонто, Канада)

### **The Western Provinces of the Russian Empire in the Revolution of 1905–1907: Elements of Regional Uniqueness and Civil War**

*Rocchi T.*

Toronto Reference Library (Toronto, Canada)

В статье рассматриваются элементы региональной самобытности и гражданской войны в девяти западных губерниях Российской империи в период Революции 1905–1907 гг. В отличие от внутренних российских губерний, западные губернии были многонациональными и поликонфессиональными, несмотря на то, что российские националисты считали их исконно русскими землями. На территории западных губерний проходили массовые протестные движения, сочетавшие в себе этнические, религиозные и социальные конфликты, зачастую приводившие к вспышкам терроризма. Земли, входившие в историческом прошлом в состав Речи Посполитой, воспринимались своеобразной транзитной зоной между Россией и Царством Польским (Привислинскими губерниями), а их интеграция в состав Российской империи не была завершена.

Многочисленные революционные, антиреволюционные и контрреволюционные движения с участием многих политических партий и движений различного толка оказали сильное влияние на общественно-политическое развитие девяти губерний. Попытки центральной и местных властей пресечения конфликтов разными методами и масштабы проявления насилия были присущи окраинам империи в период революции 1905–1907 гг., в результате чего в западных губерниях проявлялись черты самобытности. Кроме того, можно провести исторические параллели с региональными вспышками насилия во время Французской революции. Автором предложена возможность сравнить западные губернии как «Черносотенную Вандею» периода указанной революции по разновидности конфликтов и уровню насилия с югом Франции (Midi) эпохи Французской революции и сопоставить социальные, этнические и религиозные конфликты западных губерний периода революции 1905–1907 гг. с событиями в Австрийской империи в революционный период 1848–1849 гг.

This article examines the elements of regional identity and civil war in nine western provinces of the Russian Empire during the Revolution of 1905–1907. Unlike the inner Russian provinces, the western provinces were multinational and polyconfessional, despite the fact that Russian nationalists considered them to be native Russian lands. On the territory of the western provinces, mass protest movements took place, combining ethnic, religious and social conflicts, often leading to outbreaks of terrorism. The lands that were part of the Commonwealth in the historical past were perceived as a kind of transit zone between Russia and the Kingdom of Poland (Vistula provinces), and their integration into the Russian Empire was not completed. Numerous revolutionary, anti-revolutionary and counter-revolutionary movements with the participation of many political parties and movements of various kinds had a strong influence on the socio-political development of nine provinces. Attempts by the central and local authorities to suppress conflicts by various methods and the scale of manifestations of violence were inherent in the outskirts of the Empire during the revolution, as a result of which features of originality appeared in the western provinces. In addition, historical parallels can be drawn with regional outbreaks of violence during the French Revolution. The author offers the opportunity to compare the western provinces as the "Black Hundred Vendée" of the period of the revolution of 1905–1907. on the types of conflicts and the level of violence with the south of France (Midi) of the French Revolution and compare the social, ethnic and religious conflicts of the western provinces of the period of the revolution of 1905–1907. with the events in the Austrian Empire during the revolutionary period of 1848–1849.

**Ключевые слова:** западные губернии Российской империи, Российская революция 1905–1907 гг., региональная идентичность.

**Keywords:** western provinces of the Russian Empire; Russian Revolution of 1905–1907, regional identity.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)3-04

В качестве исследовательской задачи автором определена попытка выявить элементы региональной самобытности и гражданской войны в девяти западных губерниях Российской империи в период Революции 1905–1907 гг. В отличие от внутренних российских губерний, западные губернии были многонациональными и поликонфессиональными, хотя российские националисты считали их исконно русскими землями, оторванными от России и подвергнутыми окатоличиванию и ополячиванию. Западные губернии представляли собой своеобразную транзитную зону между Россией и Царством Польским (Привислинскими губерниями). Их интеграция в состав Российской империи не была завершена вплоть до падения самодержавия в 1917 г.

В западных губерниях в период Революции 1905–1907 гг. происходили массовые протестные движения. Были вспышки насилия и терроризма. В них происходили этнические, религиозные и социальные конфликты. Кроме того, на общественно-политическое развитие губерний оказывали влияние многочисленные революционные, антиреволюционные и контрреволюционные движения с участием многих политических партий и движений различного толка.

Попытки центральной и местных властей пресечения конфликтов разными методами и масштабы проявления насилия были присущи окраинам Российской империи в период революции, особенно в западных губерниях, отдельных областях Украины, Бессарабии (Молдове), Царстве Польском, Прибалтике и на Кавказе. В контексте массовых протестных движений следует изучать движения рабочих, крестьян, городских слоев, студенчества, солдат и матросов, этнических и религиозных меньшинств, наряду с массовыми выступлениями общеимперских и национальных партий и движений. Зачастую в них участвовали женщины, подростки и даже дети. Массовые движения порой выливались в восстания, забастовки, демонстрации, мятежи в армии и на флоте, погромы, грабежи, захват и разрушение государственной и частной собственности, межэтнические и межрелигиозные столкновения, низвержение местных властей и установление альтернативной власти вплоть до учреждения сельских республик, убийства государственных и административных должностных лиц, использования самосуда и многих других разновидностей народной расправы. Насилие зачастую приобретало политическую окраску, особенно с целью убийства и грабежа [1, с. 51]. Огромное влияние

оказывали разобщенность социума и наличие признаков гражданской войны.

Если при изучении элементов региональной самобытности западных губерний Российской империи (оплот российского черносотенства) в революционный период провести исторические параллели с региональными вспышками насилия во время Французской революции, то можно считать их своеобразной «Черносотенной Вандей» Революции 1905–1907 гг. [2]. Автором предложено сравнение западных губерний с югом Франции (Midi) по разновидностям конфликтов и уровню проявляемого насилия. Согласно замечанию британского исследователя Колина Лукаса, Миди стала «избранной землей политических крайностей» [3, р. 1]. Подобное произошло в западных российских губерниях. Регион стал оплотом черносотенства и местом появления в 1903 г. первых российских анархистов из движения «Черное знамя» и проведения террористических актов.

Сочетание социальных, этнических и религиозных конфликтов дает возможность сравнить Революцию 1905–1907 гг. в западных губерниях Российской империи с Революцией 1848–1849 гг. в землях Австрийской империи. В многонациональном государстве предпосылками гражданской войны стали этнические конфликты. Они обострились, когда общественно-политическая борьба совпала с социально-экономическими конфликтами не только между национальностями, но и внутри национальностей. Национальные элиты столкнулись с низким уровнем национального самосознания среди крестьянства [4–6].

Следовательно, изучение особенностей Революции 1905–1907 гг. в западных губерниях дает широкие возможности провести сравнительный анализ региона с европейскими регионами в эпоху европейских революций между 1768 и 1871 гг.

Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская губернии, бывшие земли Речи Посполитой, составляли западные губернии — Правобережную Украину, Беларусь, Литву и латгальские земли современной Латвии (латгальцы говорили на собственном диалекте латышского языка и были католического вероисповедания). Эти губернии и еще шесть других губерний — Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская — составляли черту еврейской оседлости. Евреи также жили в Царстве Польском [7].

Волынская, Киевская и Подольская назывались юго-западными губерниями. Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую и Могилевскую губернии называли северо-западными губерниями.

Многонациональный и поликонфессиональный состав населения сильно отличал западные губернии от этнически русских губерний в имперском ядре. Об этом свидетельствует процентное соотношение разных вероисповеданий у населения западных губерний, согласно общеимперской переписи населения 1897 г. (соответствующие показатели даются в скобках). Население девяти губерний — 19629841 человек. Доли главных вероисповеданий: православные — 64,4% (69,3%); католики — 19,3% (9,1%); протестанты, преимущественно немецкие лютеране — 2,0% (2,9%); старообрядцы и уклоняющиеся от православия (сектанты разных толков) — 1,0% (1,7%); иудеи — 13,3% (4,1%). Кроме того, жили в регионе караимы (неравинские иудеи) и мусульмане, главным образом литовские татары, говорящие на польском языке [8].

Не только огромное число католиков и иудеев в западных губерниях беспокоило представителей царского правительства, Русской православной церкви (РПЦ) и российских православных активистов, но и относительно непрочное положение православия в регионе. Многие православные, особенно в северо-западных губерниях, были потомками бывших униатов (приверженцы греко-католической церкви), перешедших добровольно или принудительно в православие на протяжении XIX в. В 1880-х гг. французский историк и публицист Анатолий Леруа-Болье заметил о верующих в регионе, что они «не знают, что у них за религия... Они стоят, так сказать, на заборе между двумя церквями, как жители приграничной провинции, которые во время войны неоднократно переходят от одного государства к другому [9, р. 538–539]. На рубеже XIX–XX вв. К.П. Победоносцев, обер-прокурор святейшего синода, зачастую жаловался на сохранение католических и униатских обычаев среди «новых» православных и на привлекательность католичества для многих номинальных православных [10, р. 222–223].

Перепись проводилась для сбора данных о родных языках и наречиях населения, а не сведений об этническом происхождении жителей. В результате подсчета данных были выявлены следующие проценты распространения основных языков в регионе: малороссийский (украинский) — 39,4%; белорусский — 27,9%; идиш — 13,2%; литовский — 6,7%; русский — 5,0%; польский — 4,3%; латышский — 1,6%; немецкий — 1,5% [11]. Точный этнический состав населения установить трудно. Как заметил российский исследователь С.А. Степанов, «черносотенцы» расширительно толковали понятие «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов, а их

культуру не рассматривали как самобытную, их языки считали всего лишь местными диалектами русского [12, с. 41]. Многие представители царского правительства, российские националисты, либералы и социалисты имели схожие взгляды. Следует обратить внимание, что этническая консолидация украинцев и белорусов, особенно среди крестьянства, была сложным процессом, как и во многих европейских странах. Формирование этнических идентичностей усложнялось тенденцией называть многие регионы в западных губерниях, в Царстве Польском и в Австрии (Австро-Венгрии с 1867 г.) «Русью» и размыванием различий между Русью и Россией. Все названия этих «русских» земель показывают, что земли были частями Киевской Руси, и российские националисты считали их истинно русскими землями, оторванными от России [13–17].

Интеграция западных губерний в состав Российской империи не была завершена вплоть до 1914 г. Хотя исследователи отмечают в административной и культурной политике царского правительства жесткий характер проводимой им русификации, особенно в периоды царствования Александра III и Николая II на территориях западных губерний и многих других окраинах империи. Так, американский исследователь Теодор Уикс предполагал, что правительство не проводило последовательную национальную политику в отношении «нерусских народов», но реагировало сильнее, чем в отношении всплеск национализма, и предпочитало верить в ненациональный и антинациональный характер империи [18, р. 5]. Хотя царское правительство предпочитало сотрудничать с национальными элитами окраин, национальные движения нерусских народов бросали вызов авторитету правительства, и русские националистические движения стали опираться на авторитет самодержавия в проведении последовательной политики русификации. Однако правительство не доверяло массовым движениям, даже их самым лояльным представителям, в том числе черносотенцам и другим русским националистам.

Западные губернии, как и многие другие окраины империи, имели своеобразное разделение труда по этническим и религиозным признакам. Польские католические помещики — шляхтичи — доминировали в крупном, среднем и даже мелком земледелии, в то время как евреи преобладали в купечестве, торговле и ремесленном производстве [12, с. 183]. На протяжении десятилетий польские и полонизированные католические дворяне составляли правящую элиту в регионе, потому что в Речи Посполитой они были частью польской нации, имели определенные привилегии и исключительное право участвовать в управлении государством. После подавления польского восстания 1863 г. сложилась прослойка российских и обрусевших помещиков, чи-

новников, офицеров, городских жителей и представителей православного духовенства. Крестьянство состояло из белорусов, украинцев, литовцев, латышей, поляков и русских. Немецкие и чешские колонисты жили, главным образом, в Волынской губернии. Пролетариат состоял из представителей разных национальностей. Представители буржуазии были евреями, русскими, поляками и лицами других национальностей. Несмотря на постоянные попытки правительства понизить мелких шляхтичей до статуса крестьян, особенно после разделов Польши и подавления восстаний 1830 и 1863 гг., поляки составляли большую численность российского дворянства. По данным переписи 1897 г., 28,6% из 1853154 дворян в империи называли польский язык своим родным языком [19, с. 48].

Сложная социально-этническая структура населения западных губерний, продолжительные попытки интеграции этих земель в состав Российской империи и переход от традиционного уклада к индустриальному обществу создали почти идеальные условия для напряженных отношений и конфликтов между разными слоями населения и внутри них. Согласно замечаниям немецкого исследователя Андреаса Каппелера, «этнические и социальные противоречия, как правило, усиливались и обострялись, вот только направлены они были зачастую не против русских, преобладавших в центральной части империи, а против «чужих» верхних и средних слоев населения данных регионов» [20, р. 125].

После подавления польских восстаний 1830–1863 гг. правительство старалось ослаблять влияние польских помещиков и католичества в западных губерниях. Такие меры включали понижение мелких шляхтичей до статуса крестьян, ликвидацию унитарства, внедрение русского языка в администрацию и школы, упразднение местного самоуправления, увольнение этнических поляков с государственных и административных должностей, запрет полякам покупать землю, поощрение этнических русских в покупке земли, преследование за приверженность к католической церкви. Не проводилась в регионе земская реформа 1864 г. (только в 1911 г. установили земства, в которых голосование шло по отдельным избирательным куриям для поляков и русских). И правительство затягивало с проведением судебной реформы 1864 г. [20, р. 249–256].

Многие члены царского правительства и представители российского общества считали западные губернии исконно русскими землями и утверждали, что белорусы, украинцы и даже литовцы являются западными русскими или малороссами и подлежат воссоединению с русским народом. Белорусское, украинское и литовское национальные движения зачастую воспринимались плодами «польско-иезу-

итской интриги». Но данный тезис вызывает сомнения в успехах политики русификации в языковом и культурном аспектах, потому что традиционное разделение труда по религиозным и этническим признакам сохранилась вплоть до падения самодержавия в 1917 г.

В период русификации некоторые российские националисты обвиняли царское правительство в мягкости при проведении национальной политики. Они проклинали «истинно русских» в западных губерниях за то, что они вели себя как поляки, и националисты считали польских шляхетских женщин и католических священников источниками развращения истинно русских. Кроме того, националисты видели в доброте, простоте и веротерпимости русских главные предпосылки их порабощения «чужими» народами [18, р. 20, 32, 37]. Они также обвиняли евреев в установлении капитализма и капиталистических отношений и в участии в революционных и оппозиционных движениях. Пропаганда негативных образов поляков и евреев приводила к вспышкам насилия над ними в период Революции 1905–1907 гг.

Следует указать, что в западных губерниях возникали конфликты не только между разными слоями населения, но и внутри них. Яркими примерами были конфликты среди евреев. Разложение традиционного уклада в черте еврейской оседлости, переход к капитализму, последствия Великих реформ, усиление дискриминации и антисемитизма приводили к возникновению напряженности в отношениях и конфликтам в еврейской общине на почве религиозных, языковых, политических, социальных, гендерных и возрастных факторов. Религиозные традиционалисты предпочитали жить в замкнутой среде, ограничивая контакты с местным населением. Многие евреи, особенно из образованных слоев, ассимилировались в русской культуре. Другие создали еврейские либеральные и социалистические партии, в том числе сионистские, или вступали в общероссийские либеральные и социалистические партии в надежде на то, что участие в широком освободительном движении приведет к окончательному освобождению евреев. Миллионы выбрали эмиграцию в большей степени по экономическим причинам, нежели по политическим. И все же традиционалистские евреи считали ассимиляцию, участие в еврейских, в том числе сионистских, и общероссийских политических движениях, и даже эмиграцию отступлением от веры предков с ужасными последствиями из-за возможности утраты веры вне традиционной общины. Отступники, по мнению традиционалистов, выбрали путь язычников, который воспринимался продолжением изгнания и задерживанием пришествия Мессии [21].

Согласно мнению Т.Р. Уикса, царское правительство считало сохранение государственного порядка



главным приоритетом. Его члены высказывали различные мнения по национальному вопросу, но зачастую принимали во внимание растущую степень угрозы, исходившей от разных национальностей, и действовали в рамках поддержания стабильности. Они считали порой поляков и евреев неблагонадежными, а вот литовцев дружественными из-за их враждебности к полякам. Высшие чиновники не считали украинцев и белорусов отдельными народами, но могли воспринимать представителей украинской интеллигенции опасными сепаратистами, а белорусов северо-западных губерний жертвами ополячивания и окатоличивания [18, р. 44–45].

Чиновники зачастую представляли западные губернии полем боя между польской и русской культурами. Они отмечали признаки лояльности польских католических крестьян в западных и Присвислинских губерниях к самодержавию, потому что царь дал им землю [18, р. 47]. В этом ключе звучат и эсхатологические мотивы о продолжительной борьбе между добрыми и злыми силами с определением людей по степени их приверженности к одной из сторон. Следовательно, самодержавие и РПЦ вступали в борьбу с польско-еврейским заговором для защиты и православного, и католического крестьянства в западных губерниях от козней польской шляхты, католической церкви и евреев. Вдобавок влияние оказывали народнические или популистские иллюзии самодержавия в лице «доброты батюшки царя» и некоторых членов правительства о проявлении лояльности крестьянства к самодержавию, что воспринималось как противовес неояльности элит разных идеологических направлений.

Следует обратить внимание, что одержимость делить людей на категории согласно проявляемой лояльности или враждебности была присуща черносотенцам, потому что именно они разделяли нерусские народы на категории дружественных и враждебных по отношению к России. Председатель Совета Министров Российской империи П.А. Столыпин и другие чиновники после Революции 1905–1907 гг. обсуждали вопрос о конфликте между двумя государственными принципами в регионе. Польские националисты считали регион восточными окраинами бывшей Речи Посполитой. Как заметил Т.Р. Уикс, «призрак» восстания 1863 г. бродил по западным губерниям вплоть до 1914 г. [18, р. 93–94].

Важным социально-экономическим фактором, отличавшим западные губернии от внутренних губерний и от Левобережной Украины, было выращивание и переработка сахарной свеклы. В юго-западных губерниях это было основной отраслью сельского хозяйства. Там жили примерно 150000 дворян, 7447340 крестьян, 25000 купцов и 1806250 мещан. На основании данных переписи населения 1897 г. американский исследователь Роберт Эдельман

подсчитал, что население этих губерний включало 7357540 украинцев, 413000 русских, 322110 поляков и 1914570 евреев [22, р. 54, 56]. Поляки и русские составляли большинство дворянства. Многие владели крупными латифундиями. Выращивание и переработка сахарной свеклы требовали огромного количества наемных работников. Малоземельные и безземельные крестьяне работали на латифундиях. Перенаселенность и нехватка земли гарантировали изобилие рабочей силы. Численность трудоспособного населения оценивается в три миллиона человек на Правобережной Украине. Женщины, подростки, дети и безземельные холостяки составляли большинство наемных сельскохозяйственных работников [22, р. 67, 73, 88–89, 94].

Социально-экономическая ситуация усилила напряженность в отношениях между разными слоями населения. Совокупность конфликтных ситуаций превратила западные губернии в «пороховую бочку», ожидавшую взрыва. Взорвалась она во время Революции 1905–1907 гг.

Пестрота политических партий и движений сильно отличала западные губернии от внутренних губерний в революционный период. Разобщенность социума и напряженные отношения по социальным, религиозным и этническим признакам в западных губерниях оказали сильное влияние на деятельность политических партий и движений. Особенно широко распространены были крайние движения, вроде черносотенства и анархизма. Популярность этих движений отражала глубокое разочарование многих людей в правящих кругах и тех, кто им противостоял. В регионе действовали многие общеперские партии, украинские, белорусские, еврейские, польские, литовские, латышские национальные партии, черносотенство и другие национальные партии и движения, католические, православные и старообрядческие конфессиональные партии, русские, польские и другие региональные партии и движения наряду с общеперскими русскими окраинными движениями, анархистские движения общинного, синдикалистского и индивидуалистического толков, маргинальные левые группы, не аффилированные с социалистами и анархистами.

Следует выделить некоторые особенности, например, влияние правого экстремизма в период Революции 1905–1907 гг. в западных губерниях. Отличительной особенностью является массовая привлекательность «Союза русского народа» и других черносотенных организаций. В его ряды и другие организации вступали мужчины и женщины, дворяне, чиновники, представители духовенства и военных сил, крестьяне, рабочие, ремесленники, купцы, предприниматели, лица свободных профессий, студенты, курсистки, учащиеся средних школ и другие лица. Черносотенство стало действительно массо-

вым всесловным движением в годы Первой российской революции. Оно отчасти даже развенчивает отрицательные представления о черносотенцах в среде беднейших слоев населения [23, р. 327].

«Союз русского народа» и другие черносотенные движения зачастую обвинялись в организации погромов после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. В погромах, направленных против евреев, студентов и представителей интеллигенции, были признаки организованности, но было бы неверно обвинять черносотенные партии в их организации. Как написал С.А. Степанов, «Черная сотня заслужила печальную репутацию погромами 1905 г. Справедливости ради следует отметить, что вспышки массового насилия произошли еще до образования «Союза русского народа» (в конце ноября 1905 г. — *Т.Р.*), хотя многие будущие его члены принимали в погромах активное участие» [24]. Статистика о жертвах октябрьских погромов внушительная. Были погромы в Вильно (9 убитых и 27 раненых), Минске (52 и 100), Киеве (68 и 301) и других городах и селах [12, с. 88]. Последний крупный погром в период революции прошел в Белостоке Гроденской губернии 1 июня 1906 г. Подсчитано, что 200 человек были убиты [25]. Во многом волна еврейских погромов в октябре 1905 г. в черте еврейской оседлости была своеобразным социальным протестом против экономического положения евреев в регионе и их участия в революционных и оппозиционных движениях.

Хотя черносотенная статистика о членстве часто являлась завышенной, во многом черносотенцы были масштабнее всех европейских крайне правых популистских партий и движений до начала Первой мировой войны. Однако следует принять во внимание что «Союз русского народа» был скорее конгломератом многочисленных монархических, националистических и антиреволюционных организаций, чем сплоченной партией. Согласно подсчетам С.А. Степанова, почти 58% из примерно 400 тысяч членов черносотенных организаций в 1907–1908 гг. жили в 15 губерниях, в черте еврейской оседлости. Почаевский отдел «Союза русского народа» имел в 1908 г. почти 105000 членов в Волынской, Бессарабской, Подольской и Киевской губерниях [12, с. 182, 185]. Согласно подсчетам, проведенным российским исследователем И.В. Омелянчуком, из 197686 членов «Союза русского народа» в 10 губерниях на территории современной Украины, 124985 жили в Волынской, Киевской и Подольской губерниях, в том числе 99336 в Волыни, на территории которой находилась Почаевская лавра [26, с. 139–143].

«Почаевский союз» выступал за ликвидацию польского землевладения и передачу земель украинским и белорусским (т.е. «русским») крестьянам. В справке Департамента полиции о газете

«Почаевские новости» упоминалось: «В дальнейшем газета стала проповедовать сильную ненависть к полякам и вообще к помещикам, что могло вызвать обостренные отношения простого народа с помещиками, в большинстве полякам в Юго-Западном крае». Степанов по этому поводу написал: «Черносотенный лозунг “Россия для русских!” воспринимался крестьянами как заявка на земли польских магнатов» [12, с. 435, 414]. Однако выступления почаевских черносотенцев с целью ликвидации польского землевладения были напрасны, так как царское правительство не могло нарушить право неприкосновенности частной собственности. Вплоть до своего закрытия синодом в 1909 г. издание «Почаевские известия» выступало против всех элит и контрэлит. В справке Министерства внутренних дел говорилось, что «орган “Почаевского союза” “Почаевские известия” стал открыто призывать народ не только к борьбе с интеллигенцией, но и с самим правительством, якобы изменившим царю» [12, с. 348]. Черносотенцы считали бюрократию препятствием к единству между царем и народом, но в почаевских изданиях можно было найти выражение черносотенного популизма с нападками против истеблишмента.

Активность крестьян юго-западных губерний в период Революции 1905–1907 гг. сильно отличалась от крестьянских выступлений во внутренних губерниях. Во время крестьянских выступлений зачастую осуществлялись поджоги, разрушения дворянской собственности, незаконная вырубка леса наряду с требованиями о «черном переделе» и ликвидации дворянского землевладения [22, р. 109]. В юго-западных губерниях забастовки наемных земледельческих работников стали основной формой крестьянских выступлений. Согласно подсчетам Р. Эдельмана, забастовки составляли 50–60% из примерно 3920 крестьянских выступлений на Правобережной Украине в 1905–1907 гг. Забастовщики требовали повышения зарплаты, увольнения штрейкбрехеров и посторонних, наем только местных жителей [22, р. 115, 118, 152]. Он подчеркивал, что крестьяне не обращали внимание на национальность, социальное происхождение и политическую ориентацию помещиков [22, р. 118, 124]. О крестьянской классовой солидарности не может идти и речи, так как забастовщики требовали увольнения посторонних работников, поскольку помещики могли нанимать штрейкбрехеров из соседних сел. Согласно замечанию Р. Эдельмана, «главным элементом их политического поведения было крестьянское недоверие к чужакам. Конечно, безземельные рабочие не были тем же врагом, что землевладельцы или солдаты, но они также были чужаками и поэтому им не доверяли» [22, р. 152, 178]. Интересно то, что он не упомянул черносотенцев в своей монографии и подчеркнул, что социал-демократы были довольно успешны в организации забастовок.

стеров в регионе [22, р. 195]. Эдельман работал в советских архивах в 1980-х гг. и, может быть, он имел ограниченный доступ к материалам.

Крестьянское черносотенство пережило любопытную метаморфозу после событий Февральской революции. Российский исследователь А.А. Чемакин правильно подчеркнул, что крестьяне-черносотенцы выступали скорее за получение земель польских помещиков, чем за защиту русской народности. Бывшие крестьяне-черносотенцы из Почаевского отдела «Союза русского народа» голосовали за украинских социалистов-революционеров и социал-демократов на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. По мнению Чемакина, они перешли в украинский лагерь, потому что почаевские черносотенцы составляли радикальное крестьянское движение с религиозной окраской. Смена идеологических вех объясняется так: «...но ключевым в этой “смене национальности”, на наш взгляд, был все же социальный фактор, желание получить землю и справиться с экономическими конкурентами» [27, р. 213; 218-219]. Аморфность черносотенной идеологии способствовала метаморфозе черносотенства в регионе и в то же время приводила к вспышкам «черносотенного большевизма».

Черносотенные и другие правые монархические партии и движения в северо-западных губерниях имели свои особенности. Уже в 1903 г. возникали правые монархические общества. Группа «Русский народ» в городе Бобруйске Могилевской губернии призывала всех христиан «принять участие в искоренении революционной пропаганды», распространяемой еврейским Союзом» (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России — Бунд был основан в 1897 г.) [28, с. 6–7]. Местные монархисты, как и монархисты во всей империи, обвиняли евреев в организации революционного движения. Согласно подсчетам белорусского исследователя К.М. Бондаренко, в конце 1907 — начале 1908 г. монархические партии и движения в северо-западных губерниях имели 43260 членов, в том числе 29493 в «Союзе русского народа» [28, с. 165]. Для объяснения привлекательности черносотенства и других монархических идеологий он написал: «для белорусского крестьянина членство в монархической организации должно было обеспечить защиту от польских дворян-землевладельцев и шляхты, а также от евреев, выступающих в роли посредников при реализации сельхозпродукции, особенно

хлеба. Крестьянин терял при этом часть своей прибыли и часто попадал в экономическую зависимость к еврейскому торговцу-ростовщику» [28, с. 213]. Неудивительно, что черносотенцы и другие монархисты в регионе требовали конфискации земли поляков и увольнения их из местной администрации [28, с. 236]. И вновь проявляются признаки социальных протестов в религиозной и этнической оболочке.

Бондаренко считал широкое участие старообрядцев в Витебской, Могилевской и Виленской губерниях в черносотенных и других монархических движениях особенностью регионального правого движения. Он заметил, что черносотенцы выступали за широкий фронт всех православных, единоверцев и старообрядцев в защиту православия и русского народа [28, с. 216]. Предполагается, что черносотенцы в регионе выступали за создание широкого фронта против влияния католичества. Старообрядцы, особенно на Севере, Урале, Дону, Тереке, в Сибири и Приморье, поддерживали оппозиционные и революционные партии, несмотря на их бытовой консерватизм и отказ от европейских обычаев. Многие представители купечества из числа стороверов поддерживали либеральных кадетов и либерально-консервативных октябристов, а крестьяне-староверы — социалистов-революционеров и трудовиков [29, р. 55–58]. Следовательно, черносотенство в западных губерниях отличалось от черносотенного движения во внутренних губерниях массовой привлекательностью для крестьян и наличием радикальных социальных требований.

Таким образом, западные губернии сохраняли свою региональную особенность вплоть до низвержения самодержавия во время Февральской революции 1917 г. Интеграция в состав Российской империи транзитной зоны между Россией и Польшей не была завершена. Разделение труда среди населения по социальным, этническим и религиозным признакам подчеркивало своеобразие региона. Он был очагом напряженных отношений и конфликтов между правительством и разными слоями населения, а также внутри этих слоев. Региональная «пороховая бочка» взорвалась в период Революции 1905–1907 гг. Можно сказать, что история западных губерний в революционный период занимает определенное место в истории европейских региональных революций и контрреволюций, особенно там, где социальные, этнические и религиозные факторы пересекались.

### Библиографический список

1. Рокки Т. Российская революция 1905–1907 гг. как первая гражданская война в Европе в XX веке // История. Историки. Источники. 2022. № 4.
2. Рокки Т. «Вандея» российской революции 1905–1907 гг.? Западные губернии и черносотенство // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2021. № 5.
3. Lucas C. The Problem of the Midi in the French Revolution // Transactions of the Royal Historical Society. 1978. Vol. 28.
4. Europe in 1848: Revolution and Reform. Trans. from the German. N.Y., 2000.
5. Sperber J. The European Revolutions, 1848–1851. 2<sup>nd</sup> edition. N.Y., 2005.
6. Революции 1848–1849 гг. : в 2 т. М., 1952.
7. Pale of Settlement. The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. URL: [https://yivoencyclopedia.org/article.aspx/Pale\\_of\\_Settlement#id0eqg](https://yivoencyclopedia.org/article.aspx/Pale_of_Settlement#id0eqg)
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам. URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_rel\\_97.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php).
9. Leroy-Beaulieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. 3 Vol. Trans. from the French. N.Y., 1893–1896. Part III. The Religion.
10. Kolarz W. Religion in the Soviet Union. L.; N.Y., 1961.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_lan\\_97.php?reg=61](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=61).
12. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013.
13. Hillis F. Children of Rus': Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. Ithaca. N.Y., 2013.
14. Magocsi P.R. A History of Ukraine: the Land and Its Peoples. 2<sup>nd</sup> edition. Toronto, 2010.
15. Гайда Ф.А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019.
16. Кабузан Ф.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения: 20-е годы XVIII века — 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М., 2006.
17. Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX — начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004.
18. Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb ILL, 1996.
19. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
20. Kappeler A. The Russian Empire: a Multiethnic History. Trans. from the German. Harlow UK, 2001.
21. Рокки Т. Еврейский вопрос и Русская революция. Часть 1. Статья из цикла «От Февраля к Октябрю: распад российского государства и общества». 14 мая 2017 г. URL: <https://iaex.ru/articles/53980.html>.
22. Edelman R. Proletarian Peasants: the Revolution of 1905 in Russia's Southwest. Ithaca. NY, 1987.
23. Wolfe B.D. Three Who Made a Revolution. Rev. ed. N.Y., 1964.
24. Степанов С.А. Черносотенный террор 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России (XIX — начало XX вв.) : материалы конференции. М., 1996. URL [http://sceptis.net/library/id\\_743.html](http://sceptis.net/library/id_743.html).
25. Bialystok. YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. URL: <https://yivoencyclopedia.org/article.aspx/Bia%C5%82ystok>.
26. Омелянчук И.В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000.
27. Чемакин А.А. Украинская «Черная сотня»? Концепция К.К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа // Русин. 2021. Т. 63.
28. Бондаренко К.М. Правые партии и их организации в Беларуси. Могилев, 2010.
29. Zenkovsky S.A. The Russian Church Schism: Its Background and Repercussions // The Russian Review. Oct. 1957. Vol. 16. № 4.